

ГОЛОС ИЗ ЦАРСКОГО КАЗЕМАТА

Жизнь политкаторжан царской России описывалась не раз. О ней писали и сами узники, испытавшие все ужасы мрачных казематов, в которых гибли многие тысячи революционеров. Тяжкая доля каторжника показывается и в публикуемом нами произведении Проша Прошьяна «Дворец теней».

Сын классика армянской литературы П. П. Прошьян (1883—1918) — видный член партии эсеров, неоднократно подвергался репрессиям царизма. Вернувшись после Февральской революции из эмиграции, Прошьян издавал в Гельсингфорсе газету «Социалист-революционер». Он принял активное участие в создании партии левых эсеров, входя в ее ЦК. Прошьян был членом ВЦИК 2-го созыва, а в декабре 1917 г. входил в Совет Народных Комиссаров в качестве наркома почт и телеграфов. В марте 1918 г. ввиду несогласия левых эсеров с подписанием Брестского мира Прошьян вышел из состава Советского правительства и принял участие в мятеже левых эсеров в Москве. Оценивая деятельность П. П. Прошьяна, в некрологе «Памяти тов. Прошьяна», опубликованном в «Правде» 20 декабря 1918 г., В. И. Ленин писал: «Мне пришлось познакомиться с тов. Прошьяном и оценить его во время совместной работы в Совнарком в конце прошлого и в начале текущего года, когда левые эсеры шли в союзе с нами. Прошьян выделялся сразу глубокой преданностью революции и социализму. Не про всех левых эсеров можно было бы сказать, что они социалисты, даже, пожалуй, про большинство из них сказать этого было нельзя. Но про Прошьяна это надо было сказать, ибо, несмотря на верность его идеологии русских народников, идеологии несоциалистической, в Прошьяне виден был глубоко убежденный социалист... более прочное, чем прежде,— сближение Прошьяна с коммунизмом было бы неизбежным, если бы этому сближению не помешала преждевременная смерть»¹.

Публикуемое произведение П. П. Прошьяна, написано им в октябре 1909 г. в Зерентуйской тюрьме. Оно выявлено доктором исторических наук Г. А. Арутюновым в фондах Музея революции СССР.

* * *

ДВОРЕЦ ТЕНЕЙ

... Был ли то страшный кошмар или страшная явь,— я не знаю.
Был я в проклятой людьми, Богом забытой, стране.
Мрачный стоял там дворец, среди серых холмов исчеза
Не было вовсе людей; тени там жили одни.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 384—385.

Точно звериная пасть предо мной раскрылись ворота.
Тихо вошел я; за мной щелкнул тяжелый замок.
В комнате темной и низкой томилось много народа.
Тени людей; убежать от них я больше не мог.

Я оглянулся; меня не заметил никто; обратился
Я к одному — но сейчас все обернулись ко мне.
— «Кто зашумел тут? Опять сюда видно, к нам новый явился?»
Все загудело кругом. Я же прижался к стене.

Странные были в них голоса; точно ветер зимою
В бурную полночь шумит. Я их с трудом понимал.
Все говорили зараз, недовольные шумом, и мною
Жуть овладела; и я в страхе покорный молчал.

Все эти тени во всем были сходны друг с другом; не мало
Было их; и лишь с трудом я их привык узнавать.
И не смеялись они; среди них никогда не звучала
Песня любви иль борьбы; точно молчанья печать

Вечно лежала на них; но что больше всего поражало
В них — это свойство, судьбой данное теням одним,—
Друг через друга ходить; лишь на время нужда их сливала
И разнимала. Один весь проникался другим,
Чтобы оставить его через миг без следа и без боли.

... Странные были они, жители этой страны!...
Солнце сияло у них лишь порой; но ни разу на поле
К солнечным ярким лучам не выходили они.
Даже когда чрез оконце случайное солнце нахально

Слишком смеялось, тогда тени густою толпой
Все собирались к окну; и в груди туманной печально
Меркли светила лучей; так заслоняет порой
Яркое солнце от взоров бесформенной черною тучей.

... Долго я жил во дворце. Сам я стал тенью одной.
Стал понимать, как не трудно для теней толпою могучей
Все побеждать, что грозит теней нарушить покой.
И разлюбил я смех неуместный, и громкое пенье;

Больно бывало глазам от беспокойных лучей.
Лица живые меня приводили и в гнев и в смущенье;
Их урезонивал я силою умных речей.
Если же речи мои не влияли, тогда мы толпою

Теней сгушались вокруг, чтобы растворить наглеца.
Громко кричал он; и к нам обращался, безумный с мольбой;
Мы уже гудели; и крик гаснул во мраке дворца
В драку вступал он, но все же, боссильный, сдавался невольно:

Разве он был так силен, чтобы победить нас глупцов?
Тени нельзя разогнать ведь ударами: им не больно...
И растворялось в тени тело его наконец.
... Был ли то страшный кошмар или страшная явь, я не знаю.
Но и сейчас, как порой, вспоминается эта страна:

Весь содрогаясь, напрасно себя я в тоске вопрошаю:
Кто я теперь? Человек, или все тень я одна?

Прош Прошян

Тюремный журнал «Наше» политкаторжан Зерентуя, октябрь 1909 г.
Литературный, научный, общественно-политический сборник № 1.
Музей Революции СССР, Инв. № 5/355.